

Ю. В. Андуганов внес существенный вклад как в марийское, так и в финно-угорское сравнительно-историческое и описательное языкознание. Он совершенно прав, что в современных родственных языках широко представлены прономинальные сочетания, компоненты которых имеют согласованную связь, например: мар. *мылам шканем* 'мне самому', *мыйын шкемын* 'моего своего', *тытым шкендым* 'тебя самого'. Подобные образования очень напоминают рецензенту кристаллизацию личных глагольных форм в славянских языках, где личные окончания, включая и первое лицо, по своему происхождению восходят к личным местоимениям, например: рус. *пишу, читаю*. В итоге личные окончания восходят к *м*-овому личному местоимению (ср. супплетивные формы *я — мне, меня, мной*).

Однако с некоторыми положениями автора вряд ли можно согласиться. Например, он пишет, что система формальной устроенности языков-потомков прауральского языка могла изменяться по

направлению не от простого к сложному, а наоборот (с. 22). Здесь процесс мог идти противоположным путем. На с. 21 утверждается, что регрессивное согласование, имеющее место в современных уральских языках, было распространено еще в прауральский период. Рецензент же считает, что данное явление имеет позднее происхождение. В опубликованном научном докладе встречаются некоторые стилистические погрешности, недомолвки и повторы, кое-где явные опечатки.

Эти и некоторые другие недочеты ни в коей мере не умаляют высокого качества рецензируемой работы.

Результаты исследования могут способствовать дальнейшим разработкам по сравнительно-исторической уралистике, они безусловно применимы в вузовском преподавании марийского языка, а также истории финно-угорских языков и основ финно-угорской лингвистической науки.

Л. П. ГРУЗОВ (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.3.16>

В. Н. Соловар, Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1991.

23 января 1992 г. на заседании Специализированного совета К 200. 04. 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук состоялась защита кандидатской диссертации Валентины Николаевны Соловар «Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. П. Володин (Санкт-Петербург) и кандидат филологических наук И. А. Николаева (Москва).

В названии работы содержится заявка на изучение действительно сложной и актуальной темы. С начала исследования обско-угорских языков и хантыйского, в частности, и до настоящего времени синтаксис остается наименее изученной областью, а проблема создания универсальной модели предложения примени-

тельно к этим языкам практически не ставилась. (В определенном отношении предшественниками В. Н. Соловар можно считать лишь Н. А. Лыскову, автора многих работ о т. н. главных членах хантыйского простого предложения, и финскую исследовательницу обско-угорского пассива У.-М. Кулоен, в монографии которой сделана интересная попытка определения валентностной структуры предиката на основании возможности пассивной трансформации). В ситуации практически полного отсутствия традиций валентностного (как, впрочем, и любого другого) синтаксического моделирования для финно-угорских языков восточного ареала следует приветствовать как выбор темы, так и установку на описание закрытой системы языковых синтаксических единиц с учетом их семантических характеристик.

Композиционно работа состоит из введения, двух больших глав, заключения

и четырех приложений. Во «Введении» (с. 3—10) обосновывается авторское понимание актуальности и новизны исследования, определяются его цели и конкретные задачи, описываются материал и методика. Свою основную цель автор видит в установлении инвентарного списка структурно-семантических моделей элементарного простого предложения хантыйского языка, анализе системных отношений между этими моделями, а также между моделями и валентностными типами предикатов. Здесь в принципе формулируется и основной понятийный аппарат в соответствии с общетеоретическими представлениями автора работы. Как следует сразу заметить, автор исходит из идеи, что валентностные характеристики сказуемого предопределяют структурную схему предложения (с. 4). Эта идея, обуславливающая методику исследования (выделение семантических типов глаголов и «приписывание» той или иной семантике определенной структурной схемы), все же представляется несколько сомнительной как в общем плане, так и для хантыйского языка. Известно, что многие морфосинтаксические механизмы, в частности распределение называющих участников ситуации элементов предложения по синтаксическим позициям, действуют под влиянием факторов различного порядка, причем семантическая роль имеет важное, но не исключительное значение. На этом, собственно, базируются теория залога и коммуникативный синтаксис для языков с непрямой маркировкой ролей, к которым относится и хантыйский, так как по свидетельству автора работы, имеется множество семантически синонимических конструкций, описывающих одну и ту же внешнюю ситуацию. Цитированное выше утверждение кажется принципиальной позицией, эксплицируемой и в других местах исследования. Построение модели элементарного простого предложения хантыйского языка сводится, таким образом, к перечислению синтаксических структурных схем, построенному на чисто внешнем критерии — морфологическом оформлении предиката и управляемых им элементов различной природы. Такой подход достаточно традиционен в финно-угроведении (хотя, повторяем, сама задача описания моделей простого предло-

жения для обско-угорских языков еще не ставилась), где продолжает доминировать изучение синтаксиса в чисто морфологическом аспекте. Понятно, что решение этой задачи в принципе может быть определенным этапом для построения модели элементарного простого предложения, но этапом лишь промежуточным.

Глава I — «Теоретические предпосылки исследования» (с. 11—52) — в принципе развивает рассмотренное положение. Она содержит подразделы: «Простое предложение как объект исследования», «Управление как вид синтаксической связи», «О понятии валентности», «Взаимосвязь системы валентности и типа спряжения». После перечисления различных точек зрения на строение предложения автор признает невозможность исследовать все аспекты предложения одновременно (с. 13), что в свете сказанного представляется некоторым упрощением задачи. Простое предложение рассматривается В. Н. Соловар в «структурно-семантическом» плане, и это позволяет ей «отвлечься от многих несущественных сторон реального речевого поведения и сконцентрировать внимание на необходимом минимуме структурно-семантических черт изучаемого объекта, на тех дифференциальных признаках, которые отличают один класс объектов (предложений) от другого класса (других классов)» (с. 14). Думается, однако, что несущественные, с точки зрения автора, зависимости в действительности предопределяют чрезвычайно важные механизмы, влияют на выбор одной из альтернативных конструкций, представленных в работе (например, моделей (24), (25), (26), (27), «по-разному представляющих одну и ту же жизненную ситуацию» (с. 119), а именно, ситуацию, описываемую трехвалентным глаголом типа 'давать', а также активных или пассивных конструкций, конструкций с различным морфосинтаксическим оформлением косвенных актантов одного и того же глагола или глаголов, связанных деривационными отношениями, и т. д.). Есть в теоретической части и другие терминологические неточности. Недостаточно четко, с нашей точки зрения, очерчено само понятие элементарного простого предложения, которое, вообще говоря, для языков типа хантыйского (т. е. для языков с пре-

обладанием паратаксиса и не имеющих давней письменной традиции) представляется не вполне тривиальным. Расплывчато определение структурной схемы модели — основного понятия, используемого автором, как формальной структуры, в которой символами обозначаются ее компоненты, необходимые для выделения данного образца и противопоставления его другим (с. 21). В определении не эксплицируется, в частности, на основании каких критериев противопоставляются и выделяются структурные схемы моделей (очевидно, на основании различной морфологической оформленности элементов конструкции), и от чего зависит степень их необходимости. Не ясно и понятие валентности. Валентность определяется на основании следующих признаков: наличия у предиката открытых позиций, комбинаторного отношения синтаксических категорий, отношений семантической совместности, отношений управления (с. 44). Каждый из признаков нуждается в дополнительном обосновании, но самым важным, с нашей точки зрения, противоречием является принципиальное неразличение семантических и синтаксических валентностей. На деле, хотя автор и предлагает не смешивать понятия управления и валентности, при анализе конкретного материала они подменяются одно другим, а понятия сильного и слабого управления, которыми иногда пользуется автор, скорее соответствуют понятиям актанта и сирконстанта. Такая терминологическая нечеткость приводит к существенным отрицательным последствиям. В объекты анализа не попадают случаи нулевой валентности (за исключением т. н. префиксальных глаголов) и, наоборот, есть довольно много примеров, когда валентностный статус приписывается элементу, не входящему в аргументную структуру предиката (например, явно одновалентным лексическим автомативам типа 'стоять', 'спать' приписывается валентность на место на том основании, что они легко сочетаются с локализаторами). Валентностный анализ этих и многих других предикатов противоречит высказанному в другом месте утверждению, что в модель вводятся только те компоненты предложения, которые необходимы для его синтаксической и семантической самодостаточности

(с. 32). Кроме того, смешение понятий семантического и синтаксического ряда приводит к весьма странным формулировкам, например, о том что «валентность глагола существенно зависит от спряжения» (с. 4, также с. 37) (имеются в виду субъектный, объектный и пассивный типы спряжения), хотя в лучшем случае можно говорить об обратной зависимости. (И совсем уже странно выглядит дальнейшее рассуждение о влиянии типа спряжения на посессивное оформление актантов). В общем, промахи теоретического плана досадны, но неудивительны: многие синтаксические механизмы, выпавшие из поля зрения исследователя, обратили на себя внимание лишь в последние годы, а, судя по списку литературы и ссылкам, «общепризнанные работы ведущих современных синтаксистов», на которые, по собственному утверждению, опирается автор (с. 3), ограничиваются в основном довольно случайным образом отобранными работами отечественных русистов и тюркологов (обширная библиография — более 220 наименований — содержит лишь пять работ на иностранных языках, представляющих собой публикации хантыйских текстов).

Глава II — «Элементарные простые предложения хантыйского языка» (с. 52—134) — содержит перечень основных моделей простого предложения в соответствии с количеством валентностей (в понимании автора) предиката-сказуемого. Выделяются модели предложений с именным сказуемым и с глагольным сказуемым: безактантные, одноактантные, двухактантные и четырехактантные. Среди именных моделей различаются три односоставные и четыре двусоставные (к сожалению, как отмечает и В. Н. Соловар, список именных моделей является неполным, так как основным объектом исследования стали глагольные модели, и, например, сравнительные модели представлены очень выборочно). Наиболее сложна и интересна, по оценке автора, именная модель, структурная схема которой представлена в виде {Лос N2 Арг. сор}, т. е. модель с предикатом состояния, причем первая его валентность — это валентность субъекта состояния, морфологически выраженная формой дательно-направительного падежа (например, *манэм палтап* 'мне страшно'),

вторая валентность — валентность пространственного или, реже, временного локализатора (например, *камень иски вяс 'на улице было холодно'*). Думается, однако, что в данном случае мы имеем дело с двумя различными моделями, и приводимые примеры на заполнение обеих валентностей в пределах одного предложения (типа *сята яяна лаварт пил 'там брату будет тяжело'*) на деле являются расширенными за счет пространственного детерминанта *сята* вариантами первой модели, т. е. предложений с (одушевленным) субъектом состояния (экспериментом), принципиально отсутствующим в ситуации, описываемой второй моделью (действительно имеющей необязательную валентность на место или время). Кстати, по крайней мере, судя по материалам работы, вторая модель имеет соотносимый вариант с глагольной связкой *йи- 'стать'* (*камень нувия йис 'на улице стало светло'*), отсутствующий для первой модели, хотя этот вариант рассматривается независимо. (Заметим, что, например, для двусоставной именной модели {N_{s1} N_{pr1} (cop)} предложения со связкой *йи-* рассматриваются именно как структурный вариант, а это явная непоследовательность).

Несомненной удачей В. Н. Соловар является составление списка выступающих в безактивной модели {V_i s} глаголов (всего 11), который, насколько нам известно, до сих пор не был определен (речь идет об имперсональных медиальных глаголах, описывающих природные явления и не имеющих подлежащей валентности). Интересна также модель с пассивным глаголом, субъектом состояния и поверхностным отсутствием агента, который мог бы иметь семантическую роль силы. Что же касается основной глагольной одноактантной модели (подлежащее-агента + глагол), то вопрос о «свертывании» в нее более сложных многовалентных структур за счет специальных суффиксальных показателей и превербов действительно актуален и сложен. Здесь высказано несколько интересных замечаний, но в принципе вопрос нуждается в более детальном исследовании. Некоторые возражения вызывает описание одноактантных глагольных моделей с, условно говоря, нефинитными глагольными формами (пассивным причастием

и деепричастием на *-ман*) и связкой как синонимичных между собою, а также синонимичных одновалентной пассивной модели. Кажется, в данном случае налицо противопоставление результата и перфекта (эти же определения приводятся автором работы, но крайне непоследовательно); во всяком случае, семантическая разница могла быть показана с помощью диагностических контекстов.

В двухвалентных глагольных моделях участвуют транзитивные глаголы (в этом случае возможны модели с глаголом в субъектной, объектной или пассивной форме) и интранзитивные глаголы, второй актант которых обычно имеет падежное или послеложное оформление. При рассмотрении двухвалентных моделей с транзитивными глаголами много внимания уделяется проблеме субъектного / объектного спряжений. В общем автор склоняется к традиционным представлениям о зависимости типа спряжения от референциальной определенности прямого объекта и / или завершенности называемого глаголом действия (рецензенту трудно полностью согласиться с этой точкой зрения, но это — предмет отдельной дискуссии). Все же некоторые интерпретации отдельных примеров (с. 86—88) с различными типами спряжения представляются слишком смелыми или хотя бы нуждающимися в дополнительной аргументации. С другой стороны, при анализе пассивных конструкций автор высказала на с. 90 удачное и типологически интересное замечание о грамматическом субъекте как контролере рефлексивизации (если грамматический субъект-пациент пассивного глагола имеет посесивный аффикс, его контролер не может быть кореферентен агенту пассивной конструкции).

Трехактантные глагольные модели включают в себя прежде всего модели с глаголами «давания» в их различных лексико-семантических вариантах (эта ситуация может описываться конструкциями двух типов — с пациенсом или реципиентом в роли прямого объекта), некоторыми глаголами движения, глаголами с инструментной валентностью и т. д. Для каждой модели имеется соответствующая пассивная трансформация. Две описанные четырехактантные модели представляют ситуацию перемещения че-

го-либо / кого-либо из одного места в другое (ситуация описывается в активном или пассивном варианте). Таким образом, всего рассмотрено 35 (7 именных и 28 глагольных) моделей простого предложения хантыйского языка. Очевидно, их список далеко не полон. Например, представлены явно не все возможные пассивные модели (отсутствуют хотя и достаточно редкие, но описанные в литературе пассивные предложения, в которых грамматический субъект имеет семантическую роль, отличную от роли пациенса или реципиента); больше внимания следовало бы уделить конструкциям с т. н. инфинитивными глагольными формами. Тем не менее, задачу составления «инвентарного списка» моделей простого предложения хантыйского языка можно считать в основном выполненной.

В «Заклучении» (с. 135—138) автор формулирует итоги исследования и наме-

чает проблемы дальнейшей работы, а именно — анализ «содержательных отношений между моделями» (с. 138). Конечно, такой анализ мог бы быть проведен и в рамках обсуждаемого исследования: в некоторых случаях применение трансформационных критериев для описания семантики той или иной модели и их распределения просто необходимо. В работе, кроме того, имеются следующие разделы: перечень моделей простого предложения хантыйского языка, библиография, приложение 1, содержащее список рассмотренных глаголов с указанием управления (это приложение с учетом сделанных выше замечаний представляется наиболее ценным), приложение 2 — таблица, которая моделирует парадигму простого предложения, приложение 3 (список информантов), приложение 4 (список использованных текстовых источников).

И. А. НИКОЛАЕВА (Москва)